

Карен
Дюкесс

УБИЙСТВО В ПОДАРОК

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Д95

Karen Dukess
WELCOME TO MURDER WEEK
Copyright © Karen Dukess, 2025
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения *Sterling Lord Literistic, Inc.*
и *The Van Lear Agency LLC*

Перевод с английского Елизаветы Рыбаковой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Дюкесс К.

Д95 Убийство в подарок : роман / Карен Дюкесс ; пер. с англ. Е. Рыбаковой. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-389-30568-7

Смерть матери вызывает у молодой американки Кэт двойственное чувство. С одной стороны, теперь она круглая сирота, с другой — мать и так постоянно отсутствовала, косясь по стране в поисках новых ощущений. Сама же Кэт ведет тихую жизнь в родном Буффало и сознательно избегает бурных страстей и импульсивных решений.

Но однажды, разбирая мамини вещи, девушка внезапно обнаруживает путевку в живописную английскую деревушку, где проводится детективный квест: местные жители инсценируют сюжет с убийством, которое гости, поклонники классических британских детективов, должны раскрыть за семь дней. Озадаченная, но и заинтригованная тайными намерениями матери, Кэт решает отправиться в Англию в одиночку — и погружается в круговорот невероятных событий.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Ю. Рыбакова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-30568-7

Что за тайная притягательность скрыта в английской деревне? Почему она настолько пленяет нас?

*Доди Смит.
Я захватываю замок*

Глава первая

Февраль

Длинноногие розы на столе вообще-то красивы, даже я это признаю. Но выглядят все же несуразно, особенно в кухне с покоробленным линолеумом и древним холодильником цвета шпаклевки. Я опираюсь о раковину и пристально смотрю на букет, пытаюсь воспламенить его взглядом. Порыв ветра сдувает снег с крыши гаража. В вентиляции шебуршат птицы.

Отставляю кружку с кофе и беру в руки стеклянную вазу. Как есть, в пижаме и пушистых тапочках, я несу цветы по хрустящей от наста дорожке от своего дома к соседнему коттеджу. Еще только четверть девятого, но мистер Гроуберг открывает дверь полностью одетый, в тщательно застегнутой рубашке и вязаной кофте.

Я протягиваю ему цветы:

— Вам.

— Это от красавчика с пикапом и собакой?

— От него самого.

Я топаю за мистером Гроубергом в кухню. Он ставит вазу на стол рядом с шоколадной плетенкой, которую дочь присылает ему из Бруклина.

— Что стряслось? — интересуется он.

— Он слишком размечтался. — Нет лучшего способа загубить идеальные свободные отношения, чем удариться в романтику.

Мистер Гроуберг взирает на меня со знакомой благодушной досадой. Он берет хлебный нож и заносит его над плетенкой.

— Значит, ты ему нравишься, у него хороший вкус и это преступление, что он хочет более серьезных отношений? — Он отрезает кусок булки, кладет его на салфетку и пододвигает ко мне. — Послушай, Кэт, рано или поздно тебе придется...

Я выставляю вперед руку, чтобы остановить соседа, напомнить о нашем негласном договоре: я не поднимаю ему арендную плату и раз в неделю готовлю наваристый суп; он платит вовремя и не вмешивается в мою личную жизнь.

Я не считаю себя сиротой — на дворе, слава богу, не XIX век, и вообще я не дитя, мне тридцать четыре года, — но мистер Гроуберг мне почти как родственник. Открытая им в 1972-м фирма «Оптика Роберта Л. Гроуберга», где я начала работать в шестнадцать лет после уроков и по выходным, теперь принадлежит мне. Он не передал ее мне, но позволил погасить беспроцентный кредит за счет зарплаты. Три года назад, когда моя бабушка умерла и я осталась одна в старом викторианском доме, где она вырастила меня, мистер Гроуберг, к тому времени вышедший на пенсию, рассудил, что его дом в восточной части Буффало слишком велик для него. В тот день, когда он перебрался в мой коттедж, я так радовалась, словно выиграла в лотерею, и вовсе не из-за чудом свалившейся на меня ежемесячной арендной платы.

Я отковыриваю липкий кусок плетенки, кладу его в рот и делаю вид, будто теряю сознание от блаженства.

— Если вам вдруг случится разговаривать с дочерью, поблагодарите ее от моего имени, — прошу я, будто не знаю, что дочь обожает отца и звонит ему каждый вечер.

— Надеюсь, что сегодня ты займешься каким-нибудь чертовски увлекательным делом, — говорит мистер Гроуберг. — Я хочу сказать, не погрязай в рутине.

Я стираю с губ шоколад.

— Ни за что. Сегодня же воскресенье. У меня куча дел.

Купить каменную соль, поменять батарейки в пожарной сигнализации, разложить носки по парам, сварить суп. А еще выбросить из передней засохшее растение, которое я забывала поливать.

— В такой чудесный день лучше бы вышла на прогулку, — ворчит мистер Гроуберг.

В окно видно бездонное голубое небо студеного зимнего дня. Весьма обнадеживает, что времена года сменяются как положено, а хрустальная золотая осень уступает место снегопадам. Не люблю зимние оттепели, так же как не выношу неожиданных гостей на пороге собственного дома. Разнообразие приятно, пока оно предсказуемо.

— Сегодня я разбираю коробки.

— Понятно. — Мистер Гроуберг милосердно умалчивает об очевидном: я клялась заняться этим на прошлой неделе и на позапрошлой. — На это уйдет меньше времени, чем ты думаешь, а как закончишь, сразу груз свалится с плеч.

Почему меня так пугают три картонные коробки? Они стоят закрытые в коридоре у черного хода с тех пор, как месяц назад приехали из Гейнсвилла, примерно через две недели после моего полета во Флориду на «празднование жизни» матери — абсурдную церемонию с исполнением песен, дурных стихов и хоралов под старым дубом, обильно поросшим пушистыми бородами испанского мха. В тот день я накарсила ресницы, вызвав смятение у маминых подруг, из которых почти никого не знала. Они цо-

кали языками, досадуя на мою «оплошность по неопытности», и на всякий случай совали мне в руки салфетки. Не пригодилось.

— Возьми с собой, — советует мистер Гроуберг, заворачивая другой кусок плетенки в салфетку. — Подкрепишься.

По пути назад к дому, держа в ладони угощение, я замечаю толстые сосульки, свисающие с карнизов. Нужно прилежнее чистить водосточные желоба. Я напоминаю себе, что содержимое коробок будет вполне прозаическим, без сюрпризов. Нет повода ни для надежды, ни для страха разочарования.

Однажды, когда мне было десять лет, мать неожиданно появилась в бабушкином доме. Она привезла мне подарок. По детской неискушенности я загорелась любопытством из-за солидного размера коробки и, хихикая, разорвала оберточную бумагу и разрежала упаковочную ленту, радуясь тому, как мать наблюдает за мной с дивана, наклонившись вперед и улыбаясь. В коробке были принадлежности для бадминтона: сетка, четыре ракетки и воланы. Мне хотелось сразу же натянуть сетку и сыграть вместе с мамой, но двор был запружен многодневным дождем. «Завтра», — пообещала мать.

На следующее утро я сбежала по лестнице, энергично размахивая ракеткой. Бабушка пила за кухонным столом кофе с молоком. «Где мама?» — спросила я, уже ощущая тишину из-за ее отсутствия. «Уехала», — ответила бабушка. Как оказалось, поспешила на встречу с новым бойфрендом на ипподроме в Саратога-Спрингс. Потом я привыкла к таким же внезапным появлениям и исчезновениям матери.

Я открываю заднюю дверь и останавливаюсь возле коробок, слегка пнув одну из них. Что бы там ни было, это

даже предназначено не мне; тут собраны вещи, оставшиеся после того, как мамины подруги разобрали и раздали ее одежду, мебель и книги. Мистер Гроуберг прав: скорее покончить с этим — и гора с плеч. Возможно, тогда останется позади и нелепая неспособность отпраздновать жизнь матери или оплакать ее смерть. Я откладываю кусок плетенки на потом и тащу первую коробку на кухню, чтобы приступить к делу.

Глава вторая

Щелканье кухонного радиатора подгоняет меня. Я разбираю вторую коробку, за долю секунды принимая решение, что оставить, а от чего избавиться. Неоплаченные счета, не вскрытые банковские выписки и просроченные напоминания из библиотеки. Стопки каталогов с засаленными страницами, где обозначены предметы роскоши, которые мать мечтала купить, но не могла себе позволить: кожаный пуф со стяжкой, кашемировый палантин цвета морской пены, мультиварка. Толстая папка посланий от бывших бойфрендов, некоторые написаны от руки, но большая часть распечатана из электронной почты. Есть даже копии любовных писем, которые отправляла мать. Я просматриваю испещренные торопливым петлистым почерком листы, и отдельные фразы бросаются в глаза: «твой мужественный мускусный запах», «моя родная душа и родное тело». Стопка на утилизацию растет.

Это нечто противоположное ностальгии: здесь нет ничего, что побудило бы меня помедлить и предаться тоске о прошлом. Вместо этого я смотрю на очередной бумажный лист и кидаю его в кучу, смотрю и кидаю. Фотография матери вместе с мужчиной, ради которого она переехала в Санта-Фе, тем, что всегда говорил: «Привет, маленькая леди», когда она заставляла его поговорить со мной по телефону. Газетная вырезка из «Ведомостей долины Напа» об открытии ее чайной, которую мать меньше чем через год закрыла, решив, что в Нью-Мексико ей

будет лучше. Папка, озаглавленная «Романтичное», включающая в основном изображения всякой пошлятины (расцветы, розы с длинными стеблями, шелковое белье) наряду с несколькими странными картинками (зефир, ураганы с градом, хлорофитумы).

Синяя папка такая тонкая, что я принимаю ее за пустую. Поскольку она выглядит новой, я швыряю ее в кучу полезных вещей. Но оттуда выскальзывает лист бумаги с заголовком жирным шрифтом: «Ваш уникальный отпуск в английской деревне!»

Еще одна материнская голубая мечта. Ложась в раннем детстве спать, я переворачивалась на живот, а мама щекотала мне спину и рассказывала о путешествиях, в которые собиралась отправиться: на Манхэттен полакомиться замороженным горячим шоколадом в кафе, которое она видела в кино, или в Аризону спуститься на муле ко дну Большого каньона. Даже оставив меня, мать звонила, чтобы поделиться идеями, куда нам надо поехать и чем заняться. «Хочешь посмотреть на диких лошадей в Чинкотиге?» Конечно же, я хотела, но больше всего жаждала, чтобы она продолжала говорить, не вешала трубку, вернулась домой.

Наклоняясь над коробкой, чтобы взять следующую партию бумаг, я замечаю на выпавшем листке слова: «Оплачено полностью». Я беру листок в руки и с нарастающим недоумением изучаю эту фразу. Как мать умудрилась оплатить недельную путевку на двоих в английской деревне с проживанием в отдельном коттедже? У нее всегда было туго с деньгами, она не умела долго работать на одном месте. В последние несколько лет она утверждала, будто ей не на что приехать на Север. Как же ей удалось осилить оплату каникул в Англии? Ерунда какая-то, но вот же, черным по белому: Скай Сэндерс Литтл забронировала коттедж с двумя спальнями в деревне под на-

званием Уиллоутроп, на окраине некой территории, известной как Пик-Дистрикт.

Я гуглю Пик-Дистрикт и обнаруживаю, что это «возвышенная местность в южной части Пеннинских гор», расположенная примерно в двухстах сорока километрах к северу от Лондона. Пеннины, читаю я, горная цепь, но не в американском понимании. В среднем самые высокие «пики» достигают лишь половины высоты Адирондака или Катскильских гор. Первый из национальных парков Англии и Уэльса, Пик-Дистрикт, как сообщается, включает в себя в основном необитаемые вересковые пустоши на плато из грубого песчаника с абсурдно зловещим названием Дарк-Пик, Мрачный утес, и обрывистые известняковые долины, ущелья и волнистые холмы Белого утеса — Уайт-Пик. Это сказка или реальность? По сведениям поисковика, посетителей привлекают туда походы по красивым местам и / или несколько самобытных исторических деревень.

Следующая фраза изумляет меня еще больше. В дополнение к аренде коттеджа на неделю мать заплатила 1600 долларов за двух участников «подлинного инсценированного английского детектива с убийством в деревне». Не веря своим глазам, я продолжаю читать. Сценарий детектива будет написан «одним из именитых писателей, работающих в этом жанре», и разыгран актерами и местными жителями, которые исполняют роли «жертвы, подозреваемых, уводящих следствие с верного пути, невинных сторонних наблюдателей и главного злоумышленника». Мероприятие включает ужин в первый вечер в деревенской гостинице (на выбор пирог с говядиной и почками, рыба с картошкой фри или курица тикка-масала), осмотр «фактического условного места преступления» и допрос подозреваемых. В конце недели победитель (или органи-

затор, если удачливых сыщиков не обнаружится) в стиле Агаты Кристи раскроет собравшимся тайну преступления, после чего будут поданы финиковый пудинг с карамельным соусом и херес (по одному бокалу на участника с возможностью дальнейших возлияний за дополнительную плату). Наградой за успешное расследование преступления станет возможность выступить «дублером уже почившей в прямом эфире жертвы» в будущем телевизионном детективе. Полагаю, это значит, что счастливцу придется встать или, более вероятно, лечь на место всамделишного актера, исполняющего роль мертвого тела, если тот паче чаяния прихворнет или случайно застрянет в туалете. Остается неясным, покроют ли организаторы расходы на обратную поездку.

Я в диком замешательстве. Правда, что ли, мать намеревалась ехать в Англию ради квеста? Читаю дальше. Участвуя в этом своеобразном мероприятии, мать окажет помощь деревне Уиллоутроп, поскольку все вырученные деньги будут направлены на ремонт горячо любимого местными жителями общественного бассейна. И внизу документа — примечание, что стоимость «убийственной недели» не подлежит возврату ни при каких обстоятельствах, под которым красуется подпись матери.

Полный бред. Впервые со дня смерти матери меня захлестывает сожаление из-за ее утраты — не потому, что хочется провести вместе больше времени, а потому, что так и тянет схватить ее за плечи и спросить, какую дрянь она курила, когда заказывала это путешествие. Вместо этого я звоню маминной лучшей подруге, астрологу.

— Какая жалость! — восклицает Девора. — Скай так радовалась. Даже нашла в комиссионке резиновые сапоги.

— Она в последнее время принимала участие в инсценировках расследований?

— Да нет.

— Как можно быть такой безответственной? — Я рассматриваю неоплаченные счета, которые теперь стали моей заботой.

— Напротив, она попросила меня проверить расположение планет: желала убедиться, что период благоприятный.

— А он, очевидно, таковым не был. — Мне нет нужды произносить слово «инсульт», чтобы донести свою мысль.

— Я астролог, Кэт, а не ясновидящая.

— Мать была в долгах как в шелках.

Девора вздыхает.

— Деньги — такое бремя.

— И с кем она собиралась ехать? — спрашиваю я Девору. — Она познакомилась с англичанином? Или с англофилом?

Я давно бросила попытки вести учет материнским романам. Мне было всего два года, когда моего отца на смерть сбил пьяный водитель и мы переехали к бабушке с папиной стороны. Полагаю, мать выдержала надлежащий период скорби и воздержания, но я этого не помню: по моим ощущениям, она постоянно расписывала мне свои похождения, не скупясь на подробности. Только учась в колледже, я начала понимать, что это ненормально — знать, каким образом твоя мать лучше всего достигает оргазма и с кем. В один прекрасный день я предложила ей относиться к своим связям, как к новой беременности, и держать их в тайне до двенадцати недель — рубеж, которого маминьы романы редко достигали. К счастью, мать не стремилась заполнить образовавшуюся в наших разговорах пустоту проявлением интереса к моей личной жизни, что меня очень устраивало, поскольку рассказать было особо нечего. После колледжа

у меня случилось несколько довольно длительных романов, в основном с парнями, которые, как и я, хотели легких отношений. В промежутках я довольно неплохо чувствовала себя наедине с собой. Лучше остаться одной, чем гоняться за любовью, как делала мать.

Мне приходится попросить Девору повторить ответ на мой вопрос.

— Я говорю, она собиралась взять тебя, — произносит мамина подруга.

— Не может быть.

В последний раз мы с матерью путешествовали вместе из Буффало в Вермонт в осенние выходные, когда мне было девять лет. Держась за руки, гуляли по ущелью, посетили музей игрушек и переночевали в старом отеле, где спали вдвоем на кровати с пологом. На следующий день мы переехали в ашрам. Мама дала мне старую книгу о школе-интернате для девочек, и, пока она занималась горячей йогой, я читала. В конце долгого уик-энда мы отправились в Рочестер, где мама посадила меня на автобус до Буффало, нацарапав бабушкин адрес и номер телефона на листке бумаги для записей, который сунула мне в карман куртки. Неделями она обещала, что скоро вернется домой, но к Рождеству съехала с массажистом, с которым познакомилась на сеансе безмолвной медитации. С тех пор она навевалась в Буффало время от времени и оставалась всего на несколько дней.

— Почему мать решила, что я соглашусь? — спрашиваю я Девору.

— Повторяю: я астролог, а не телепат.

— Но почему именно я? С чего вдруг маме взбрела в голову нелепая идея поездки в Англию на пару со мной?

— Понятия не имею, — говорит Девора. — Видимо, это еще одна загадка, которую тебе предстоит разгадать.

Глава третья

Дорогая мисс Литтл!

Искренне соболезную Вашей тяжелой утрате.

не посчастливилось долгое время переписываться с Вашей матерью, и я глубоко сожалею, что безвременная кончина помешала ей осуществить, как она говорила, свою мечту — посетить Англию со своим единственным ребенком.

Отвечая на Ваш вопрос: нет, мы не изверги. Посему мы любезно вернем половину уплаченной Вашей матерью суммы. Вторую половину, которую она с восторгом уплатила за Вас (как я завидую, что у Вас такая щедрая мама; моя была скупа и умерла еще до того, как я стала подростком), возврату не подлежит, поскольку Вы, к сожалению, не покойница.

Тем не менее Вы можете возместить небольшую часть уплаченной суммы, поселившись вместо коттеджа с двумя спальнями, выбранного Вашей матерью, в одном из наших уютных многоместных домов, коттедже «Глициния», вместе с двумя другими участниками, каждый из которых путешествует в одиночестве. Подробности в прикрепленном бланке возврата.

*Надеюсь, такой вариант Вам подойдет,
и мы с нетерпением ждем встречи с Вами
21 мая, когда начнется игра!*

*Искренне Ваша,
Жермен Постлетуэйт,
владелица компании
«Книжка и мормышка»,
деревня Уиллоутрон,
Дербишир, Англия*

* * *

Сейчас 9:50 утра, десять минут до открытия оптики, и я перечитала электронное письмо три раза. Кто эта Жермен с непроизносимой фамилией? И почему она полагает, что я хочу лететь в Британию расследовать фальшивое преступление? Ничего не имею против английских деревенских детективов; я часами поглощаю их на канале «Бритбокс» вместе с мистером Гроубергом. Мы устраиваем просмотр только по вечерам или в дождливые дни, всегда с чаем и имбирным печеньем, хотя обычно я не пью чай. Чаще всего мистер Гроуберг вычисляет преступника задолго до того, как у меня появляется хоть малейшее подозрение, кто это. Мать обычно поднимала меня на смех: охота смотреть, как «зачуханные людишки расследуют преступления в плохую погоду, даже не отвлекаясь на секс», — не понимая, что мне нравятся не столько сами детективы, сколько возможность провести время с мистером Гроубергом. Неужели она и правда думала, будто меня увлечет такое путешествие?

Я кладу голову на стол и не поднимаю ее, даже когда над дверью бренчат старинные колокольчики и внутрь врывается порыв морозного воздуха. По запаху пачулей я понимаю, что это Ким. Из ее беспроводных наушников

доносится жестяной дребезг электронной танцевальной музыки.

— Все хорошо? — кричит Ким.

Я поднимаю голову.

— Ради бога, Ким, не надо так орать. — Я киваю на экран компьютера: — Мне прислали ответ.

Ким выдергивает из ушей наушники и снимает вязаную шапочку, лавина длинных светлых локонов падает ей на спину. Раскручивая шарф, подруга через мое плечо читает письмо.

— Коттедж «Глициния» звучит мило, — говорит она.

— Разве глициния — не сорняк?

Я подхожу к двери, поднимаю жалюзи, переворачиваю табличку надписью «Мы открыты» наружу. На улице все еще идет снег, пухлые снежинки, медленно кувыркаясь в воздухе, падают на землю. Снегоуборщик уже проехал, но дорога снова побелела. Витрины лавок на противоположной стороне выглядят теплыми и приветливыми. Это мои любимые дни: холодные, приглушенные, чистые дни в городе, где я живу с рождения и откуда мать сбежала без оглядки.

«Почему ты все еще торчишь там?» — с недоумением спросила она меня, когда мы разговаривали в последний раз, примерно за месяц до ее смерти.

Она и не собиралась оседать в Буффало. В двадцать лет она покинула дом в Индиане и отправилась искать приключений в большом городе. Буффало должен был стать перевалочным пунктом, где она собиралась переночевать у подруги в университетском общежитии. Но дальше по коридору в том самом общежитии обитал Бен Литтл, бородатый учтивый староста этажа. Он учился на последнем курсе, специализировался по лингвистике, писал стихи без знаков препинания и играл на классической

гитаре на лестнице, где была хорошая акустика. В течение нескольких дней моя мать обосновалась в одиночной комнате Бена. Когда через месяц он выпустился, молодая пара переехала в жилой гараж. Мама начала работать в кофейне, а Бен готовился преподавать английский язык в старших классах. Меньше чем через год мать забеременела мной.

Может, для нее Буффало и был сплошным бедствием, но для меня он стал источником всевозможных благ. Здесь правили любовь и стабильность. Здесь жила моя обожаемая бабушка с папиной стороны Райя, взявшая меня на воспитание, когда мать уехала. Бабушка каждую неделю водила меня в публичную библиотеку, посещала родительские собрания в школе, вычесывала колтуны из моих безнадежно густых волос, перенесла мое короткое увлечение игрой на гобое. Научила меня печь халу, мастерить солнечные часы, клеить обои, ловить и отпускать большеротых окуней. Она рассказывала мне об отце, который раньше читал мне каждые утро и вечер ту же книгу, что она читала ему в детстве.

— Неделя вдали от дома — может, именно это тебе и нужно, — говорит Ким, когда я возвращаюсь за свой стол.

— Кто сказал, будто мне что-то нужно? — ворчу я.

Вопрос очевидно риторический. После возвращения из Флориды я сорвалась с катушек. На прошлой неделе одна клиентка пришла с очаровательным маленьким шнуделем, представителем одной из новомодных гипоаллергенных пород, а я рывкнула «никаких собак» и прогнала их, хотя животных люблю и держу упаковку собачьих галет в ящике стола. Вчера я убедила чрезвычайно милую даму выбрать оправу для очков, из-за которой глаза у нее стали как бусины, а нос как у Граучо Маркса.

К счастью, я одумалась еще до того, как был оформлен заказ, и предложила покупательнице другую оправу, которая больше ей шла.

По мнению Ким, я прохожу через некое «скорбное чистилище», потому что так называемые похороны матери не принесли должного облегчения. Она не понимает, что у меня нет необходимости скорбеть. Я уже привыкла к тому, что мать все время покидает меня.

— Ты уже год не была в отпуске, — замечает Ким. — Длинные выходные с присмотром за кошками в Лейк-Джордже не в счет. К тому же поездка оплачена.

Звякают колокольчики, и входит покупатель, весьма вовремя прерывая наш разговор. Но целый день, подбирая очки, подгоняя оправы и обтачивая линзы, я невольно думаю о том, что мама заплатила этой Жермен как-ее-там. Не получить то, за что заплатил, — все равно что выбросить деньги на ветер, отчего у меня по коже ползут мурашки. Но поездка в английскую деревню? Ей явно не место в моем списке обязательных впечатлений. После колледжа я ездила с подругой в Грецию. Все там было упоительно: погода, бирюзовое море, оливки и фета, студент-медик по имени Грегори на каникулах. Британская сельская глубинка кажется полной противоположностью. Если Греция ассоциируется с парео, сексуальным узлом завязанным на талии, то Англия — с прочными ботинками на резиновом ходу. Нет ничего соблазнительного в том, чтобы сидеть перед огнем в компании старых кумушек, вышивать крестиком и спорить, кто убийца — полковник с битой на поле для крикета или викарий с подсвечником в трапезной.

После работы я приношу мистеру Гроубергу нуттовую похлебку и рассказываю про письмо и частичный возврат

КАРЕН ДЮКЕСС
УБИЙСТВО В ПОДАРОК

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахгий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға кол койылды 06.10.2025.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 4500 экз.
Усл. печ. л. 16,80. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат».
170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page — www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

R-CHA-39749-01-R